

Листая книжные страницы

Память поколения

К 60-летию писателя, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР и РСФСР Юрия Васильевича Бондарева

Из книги в книгу — будь то «лейтенантские» повести «Батальоны просят огня» и «Последние залпы» или числящийся по «военному жанру» роман «Горячий снег», где события показаны не только в масштабах карты «двухверстки» командира взвода, но и с НП командующего армией; будь то «Тишина», пронизанная атмосферой возвращения с фронта и сознанием того, что мирная жизнь оказалась не столь безоблачной и счастливой, как мечталось между боями, или отмеченные зрелым мастерством романы «Берег» и «Выбор», где сильны философские и политические мотивы, где военное прошлое поверяется современностью и, наоборот, где человек и история вступают в диалог на равных, — всюду Юрий Бондарев рассказывает о своем поколении. Рассказывает настойчиво, договаривая в последующем, что не удалось сейчас, ища новые повороты темы, укрупняя ее. Рассказывает неустанно, выполняя свой нравственный долг. Потому что две трети сверстников писателя, выбитых войной, оставшихся лежать в земле, где шли кровавые бои, ничего о себе сказать не могут.

За них, от их имени говорит писатель. По собственному опыту он хорошо знает, память сердца и души помнит, какими они были, вчерашние школьники, когда обрушилась на страну беда, как уходили в ополчение и училища, какими хрустящими в новеньком обмундировании, выпускали лейтенантов - артиллеристов, как обминались они, командуя взводами среди разрывов снарядов, режущего визга осколков, автоматных очередей, когда на их позиции, скрежеща, ползли фашистские танки. С огромной художественной силой воссоздал Ю. Бондарев облик этого поколения — мужественный, благородный, строгий и душевно чистый.

Мне показалось небезынтересным открыть книги писателя и заглянуть в довоенное прошлое юных офицеров, ведь там истоки их характеров. Двадцатичетырехлетний старший лейтенант Кондратьев из «Батальонов...», мучаясь на днепровском пятачке от простудного жара и жажды, видит в полудреме «освященный огнями вестибюль метро. Из подъезда валит желтый пар, морозный, клубящийся, пронизанный огнями. Люди спешат, бегут в мохнато заснеженных пальто с поднятыми меховыми воротниками, скрипит снег». Накануне боя москвичу привиделось ожидание новогоднего праздника, веселый, счастливый, влюбленный смех прохожих. А вчерашнему студенту-математику капитану Ермакову из той же повести тишина в штабе дивизии напоминает «мудрое спокойствие московских читален». Капитану Новикову из «Последних залпов», все прошлое которого «можно уложить в одну строчку»: «один курс горного института, книги, настольная лампа», вспоминается «запах сыроватых аллей парка культуры, желтый песок под белыми босоножками, мельканье за кустами загорелых ног под ситцевым платьицем, велосипед, прислоненный к забору, неожиданная встреча возле будочки с газированной водой, ясно-серые улыбающиеся ему глаза над стаканом пузырящейся шипучки и снег, бесшумно падающий вокруг фонарей...». Андрей Княжко из «Берега», мечтавший быть похожим на своего тезку Болконского, тоже вспоминал — о долгих зимних вечерах в жарко натопленной комнате, счастливо проведенных с томиком Толстого или Тургенева.

Все эти московские ребята — поэты, по крайней мере в душе. Вот и лейтенант Кузнецов из «Горячего снега», до войны живший в Замоскворечье, представляет себе в сталинградских промерзших степях «тихие с тупичками перулки, разросшиеся столетние липы во дворах под окнами, голубые апрельские

сумерки с первыми нежнейшими звездами над антеннами среди теплого городского заката, с запоздалым стуком волейбольного мяча из-за забора...». Нет, это не просто наивные, полудетские воспоминания, не просто пейзаж, милый сердцу, это образ жизни, которую захотел разрушить враг. Чтобы вернуться полузабытое, словно канувшее в бездну далекое счастье, молодые бондаревские офицеры, не давая себе послабления, ломая себя, принимая на себя тяжкий груз ответственности, посылают людей и сами идут на смерть. Ради грядущей жизни они занимают кровавым делом войны, «противной человеческому разуму и всей человеческой природе». Эту мысль Льва Толстого уместно привести в разговоре о творчестве Ю. Бондарева. И потому, что советский писатель в изображении человека на войне явно ориентируется на толстовскую традицию (другой учитель — Михаил Шолохов). И потому, что юных героев «Берега» и «Выбора» автор соотносит с персонажами «Войны и мира».

Те, кто читал «Выбор», помнят, конечно, удивительные по пластичности и выразительности описания Москвы. Грозный, прифронтовой, ошетинившийся «ежами» и надолбами, насквозь продутый октябрьскими ветрами сорок первого года город с трудом узнают вернувшиеся с оборонных работ Володя Васильев и Илья Рамзин. Тогда в черном небе, загрозявая звезды, плавали рыбообразные тела аэропланов. Однако друзья разглядели за ними две крупные звезды, предвещавшие грозный поворот судьбы. И картина воздушного боя зениток с прорвавшимся в небо Москвы «юнкерсом», и панорама сплошного движения покидающих город людей и машин (заметчу, что создана она могла быть литератором, обогатившим свое зрение кинематографическим ракурсом; так оно и есть, Ю. Бондарев — один из авторов киноэпопеи «Освобождение») — это не фон событий, а сами события романа.

И все-таки средостение Москвы для писателя — это Замоскворечье. Отнюдь не случайно отсюда уходят на фронт Сергей Вохминцев и Константин Корабельников («Тишина»), Владимир Васильев, сюда они возвращаются. Сюда, к родному порогу, на последнее свидание к старухе матери придет перед смертью Илья Рамзин, сделавший после освобождения из фашистского плена своей неправедный выбор, отринувший Родину, проживший послевоенные годы на чужбине. Примечательно, что памятью родимых мест судит писатель своего героя.

В Замоскворечье, этом истинно московском районе, старинном уголке Москвы, фиолетовом в зимних сумерках и белом в летней тополиной метели, прошли детство и юность самого писателя. Однако нет ничего ошибочнее мысли, что многочисленные и столь различающиеся характерами бондаревские лейтенанты и капитаны суть портреты автора. Но смею утверждать, не случайно прозаик наделил своих любимых героев горячей привязанностью к Москве, способностью, как бы далеко они от своего города ни находились, ощущать его животворный свет, его тепло, тосковать по Москве, как тоскуют по любимому человеку. Москва, Россия, Родина — понятия нерасторжимые.

Портрет поколения был бы не закончен без живущих во множестве на страницах бондаревской прозы персонажей иного опыта, иного времени и места рождения, иной судьбы. Таких, как полковник Гуляев, майор Бульбанюк, бойцы Скляр, Гулько, Порохонько, Ушатиков, без которых молодые офицеры не стали бы теми, кем они стали. Очевидно и то, что люди, подобные Уварову из «Тишины», только по формально-возрастному признаку могли быть причислены к генерации Кузнецова,

Вохминцева, Никитина, Княжко. С приспособленцем и трусом Уваровым все ясно, но Рамзин? Как мог он, замоскворецкий лидер, умница, спортсмен, книголюб, удачливый во всем (вон и одноклассница Маша Сергеева, кажется, ему предпочтение перед Васильевым отдаст), сделать такой выбор?

В двух последних романах Ю. Бондарева тема поколения, продолженная в современность, зазвучала во многом по-иному. Уже в «Берегах» Никитин, пятидесятилетний, утвердившийся в призвании литератора человек, болен «ностальгией поколения». Сравнивая себя сегодняшнего с тем давним лейтенантом, он находит мало сходных черт и, вглядываясь в свою молодость, обнаруживает, что именно там остались самые необходимые ему люди, такие, как Княжко. К необходимости поверить свое нынешнее существование годами юности приходит и известный художник Васильев. Этого по всем статьям благополучного человека мы застаем в романе в момент глубокого творческого и духовного кризиса. Засомневавшись в силе своего искусства, Васильев вдруг осознал, что, отдаваясь полностью творчеству, он утратил душевную близость с женой, дочерью, безуспешно ждавшими от него человеческого тепла, участия. Да еще это потрясение от встречи в Венеции с Рамзиным, которого и сам Васильев, и Маша, ставшая его женой, и мать Ильи считали погибшим.

Обращаясь памятью к военным годам, Васильев мучительно раздумывает, почему не вернулся на Родину, изменил Илью. Вместе с писателем и его героем ищем ответ и мы. В свое время литература выдвинула такое объяснение причин предательства: стихийная жизнелюбивая сила, не облагороженная духовной работой, культурой, может победить чувство долга (Рыбак в «Сотникове» В. Быкова). Но ведь Рамзин получил то же воспитание, что и Васильев, в том числе и книжное, впитал те же идеалы. Однако в юном Илье просматривались некоторая чрезмерность в стремлении вырваться у жизни принадлежачее, как он считал, ему по праву, непомерное честолюбие, юношеская жесткость. С тонким психологизмом писатель показывает, как именно эти свойства природы, подогреваемые жгучей обидой на командира полка, привели артиллерийского офицера Рамзина летом 1943 года к пренебрежению долгом. «Своей амбиции, свое «я» будут поставлены выше ответственности, выше долга и чести. «Простите, простите, простите...» — выведет рука Ильи в предсмертные минуты. Но духовно Рамзин умер еще до того, как взрезал себе вены в номере московской гостиницы.

Бондаревское письмо сурово, подчас трагично, но оптимизм — такая же составляющая его реализма, как и человечность. Роман заканчивается символично. Проснувшись от захлестнувших воспоминаний молодости, Васильев увидел на мокром стекле отражение зеленой весенней одинокой звезды. Она (вспомним красную и белую звезды в московском небе в октябре сорок первого) словно обещание выхода из душевного тупика. Каким равнодушным был Васильев, провожая Рамзина к матери, в тот дом, где прошло их общее детство, ведь он обнаружил в себе ни нежности к родным местам, ни ностальгического умиления, ни гордости — одно глухое раздражение. А теперь, этой мартовской ночью, его омертвевшая было душа вновь охвачена волнением, страданием. Мне кажется, что автор привел своего героя к нравственному возрождению.

Юрий Бондарев верит, что память, верность юности, любовь и искусство — ценности непреходящие. Утверждает своими книгами справедливость и добро.

Т. СЕРГЕЕВА.